

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЖУРНАЛ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

НАряду с печатными органами на национальных языках во многих союзных республиках и в некоторых из автономных союзов писателей издаются журналы на русском языке, а там, где их пока нет, регулярно появляются альманахи. Число этих изданий непрерывно увеличивается. Так, за последний год подписчики получили новый журнал Грузинского Союза писателей «Литературная Грузия», выпущен двоянный номер альманаха «Ашхабад», увидев свет первый номер альманаха «Евразия».

Но, видимо, не все редаллегии русских журналов ясно понимают свои обязанности. Иначе, как объяснить тот факт, что «Советская Отчизна» (Минск) за 1956—1957 и начало 1958 года опубликовала лишь две-три повести и несколько рассказов белорусских прозаиков? А ведь эти годы были временем больших событий в белорусской литературе. Увидели свет романы И. Шамякина «Криницы», П. Бронки «Когда сливаются реки», В. Карпова «За годом год», Т. Хадевича «Даль полевая», второй том «Незабытых дней» М. Лынькова, множество повестей. Некоторые из этих произведений уже появились на русском языке в центральной прессе, а даже отдельные издания, но в «Советской Отчизне» их не было и нет. Редакция равнодушно прошла мимо очерка Янки Брыля «Сердце коммуниста», получившего всеобщую известность. Почему? Едва ли убедительно прозвучат ссылки на недостаток места, малый тираж, двухмесячную периодичность. Дело обстоит как раз наоборот: если бы в «Советской Отчизне» появлялись наиболее крупные произведения белорусской литературы, то и журнала наверняка бы выросла популярность, а в конечном счете именно от этого зависит и тираж, и объем, и периодичность журнала.

Журнал «Советская Украина» не может пожаловаться и на эти обстоятельства: у него и тираж и объем больше, и выходит он ежемесячно. Но и здесь мы находим такую же картину. По годовому комплексу журнала нельзя судить о современной украинской литературе. Сорочковский год Советской власти был для украинских писателей чрезвычайно плодотворным. Их достижения очень ярки и украшают всю советскую литературу прошлого года. Однако журнал «Советская Украина» не удостоил своим вниманием ни выдающегося романа М. Стельмаха «Кровь людская — не водица», ни романа «Перекот» О. Гончара, ни романа «Мир хижинам, война дворцам» Ю. Смолича, ни повестей «Сердце солдата» П. Оревецкого и «Поздравьте меня, друзья!» Ю. Збанацкого, ни других произведений.

Полнокриво показать жизнь республик — задача, общая для всех печатных писательских органов, с которой они пока еще справляются плохо. Это и в том отношении справедливый упрек Н. С. Хрущева в его выступлениях «за тесную связь литературы и искусства с жизнью народа»: «Надо прямо сказать, что мы по-настоящему еще ярко не показали те великие исторические преобразования, которые произошли в жизни народов наших республик за годы Советской власти. И в этом отношении наши работники литературы и искусства в большом долгу перед народом». Запоминающийся очерк, глущее публицистическое выступление — частые гости на страницах республиканской печати.

Нельзя забывать и о другой, крайне важной стороне вопроса. Известно, какими недостатками все еще страдает организация переводческого дела в центре. Бывает, что произведения, заслуживающие всеобщей трибуны, долго не могут найти себе переводчика, а произведения второстепенные, наоборот, выскакивают на первый план. Русский журнал, издающийся в республике, должен быть помощником и советчиком для центральных журналов и издательства. Это, конечно, налагает на редакторов особую ответственность за качество переводов. Но тем лучше! Повышение требовательности местных журналов к переводчикам — только на пользу делу. Иначе может получиться так, как с романом Г. Мурепова «Пробужденный край», который был в свое время опубликован в «Советском Казахстане». Хороший роман был настолько испорчен переводом, что не привлек внимания московских издательств.

Таким образом, задача русских журналов в республиках. Наряду с этим в них должны, конечно, печататься произведения местных писателей, пишущих на русском языке. Однако здесь нужно найти правильную пропорцию, соответствующую месту этих писателей в литературной жизни республики, и прежде всего идейно-художественным качествам их произведений. В некоторых журналах такая пропорция явно нарушена. «Литературный Киргизстан», например, превратился, по сути дела, из органа всего Союза писателей Киргизии, каким он должен быть, в орган русской секции.

Второй важнейшая задача республиканского журнала на русском языке — публикация, популяризация, поддержка наиболее значительных произведений национальной литературы. Именно в этом заключается писательское республиканское журнальное издание на русском языке. Истели республики, не владеющие или плохо владеющие ее языком, но кровно связанные с ее жизнью, с ее культурой, хотят читать новые произведения местных писателей. К сожалению, нередко бывает так, что им удается познакомиться с этими произведениями только через посредство центральных журналов или издательства и иногда лишь через два-три года.

Заслуживает одобрения практика журнала «Литературный Азербайджан», который из номера в номер печатает значительные произведения азербайджанских писателей. За два последних года журнал опубликовал роман И. Касумова и Г. Сеидбеги «Годы прохватают», «Повесть о моем друге» И. Шихлы, роман М. Гусейна «Черные скалы», новую редакцию романа А. Велиева «Гахраман», повесть «Внуки старой Тамашы» А. Абулгасана и многое другое; впервые на русском языке появилась в журнале замечательная поэма Самада Вургунна «Айгюн». Сейчас «Литературный Азербайджан» печатает новый роман Мир Джазала «Куда ведут дороги».

Стараются знакомить читателей с новыми произведениями журналы «Лестр» (Молдавия) и «Свет над Байкалом» (Бурятия-Монголия).

НАГРАЖДЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ. В связи с пятидесятилетием со дня рождения писателя Пашаева Мир Джазала Али оглы и отмечая его заслуги в развитии советской литературы, Президиум Верховного Совета СССР наградил Пашаева Мир Джазала Али оглы орденом «Знак Почета».

Воспоминаниям Невскому Дубровку осенью 1941 года. Переправа у бухомбината и ночи под артиллерийским огнем. С постом Александром Прокофьевым мы спешим к минометчикам лейтенанта Ивана Павленко. О них комдив сказал: «Молодцы, прославились надо». Слышали мы, что минометчики третью ночь без сна, что командир батареи, примостившись на чердаке, корректирует огонь, прикрывая переправу. Крыша дома пробита уже во многих местах, а лейтенант и не думает отходить от своего НП. Добрался до места. Но нет уже ни НП, ни Павленко. Подчас назад вражеский снаряд ударила в чердак, поджег дом... В стороне от развалин увидели солдат. Они стояли в скорбных позах у свежего холмика под большой сосной. Один из них молча подал планшет лейтенанта. В нем запись. Прокофьев читает ее, за тем долго стоит над свежей могилкой, губы его что-то беззвучно шепчут...

«Сегодня на рассвете», — сказано в записке. Не успели подняться к деревне около 15 танков и больше роты лехоты. В это время я сидел на крыше двухэтажного дома. Когда я увидел варваров, сердце облилось кровью. Я скамандовал: «Огонь!» Тяжелые мины рвались среди скопища вражеской пехоты. Я от радости кричал. Здесь на поляне враг увидит свою смерть! «Вперед, за победу! Подлый враг будет разбит!» И дальше на улке бумажки: «Вражеские снаряды ирешетили весь дом. Я с поста не уйду!»

НАМ НУЖЕН МИР
ЕСЛИ ВЕРИТЬ северогерманскому поэт Фрицу Рейтеру, то господь бог, создавая землю, начал с Мекленбурга, точнее, с его прибрежной части. По его словам, в Мекленбурге даже первоначально находилась божий рай...

Михаил ЛЬВОВ
ДЕНЬ ПОБЕДЫ
Не мы стрельбу открыли. Не мы на них напали.
О, страшный сорок первый, пронизавший души год —
Нашествие извешенной, клеванной черной стали,
Зачеркнутый крестами июньский небосвод...

Долгие годы порабощения не сломили мужества трудовых людей. Они лишь крепче сжимали кулаки, не позволяя сморкаться с реакционными законами Бисмарка, а после первой мировой войны разбили путч Каппа. От слепящего этого города с двумя другими поселениями, построенными позже, и возник наш нынешний Росто...

Полнокриво показать жизнь республик — задача, общая для всех печатных писательских органов, с которой они пока еще справляются плохо. Это и в том отношении справедливый упрек Н. С. Хрущева в его выступлениях «за тесную связь литературы и искусства с жизнью народа»: «Надо прямо сказать, что мы по-настоящему еще ярко не показали те великие исторические преобразования, которые произошли в жизни народов наших республик за годы Советской власти.

ПИСАТЕЛЬ И АРМИЯ

В ЛИХУЮ военную годину — не по праздникам и юбилеям, а можно сказать, повседневно — разговаривали наши литераторы с солдатами. Их хорошо, душевно разговаривали. Их голоса доходили до блиндажа, окопа, на огневую позицию артиллеристов, в танк, в пепельные наступающих солдат, и звучал он, этот голос, каждый раз по-новому — то как пламенный призыв трибуны, то тепло и лирически, но всегда на высокой волне. Он звал к отваге, стойкости, к победе над врагом.

Вспоминаниям Невскому Дубровку осенью 1941 года. Переправа у бухомбината и ночи под артиллерийским огнем. С постом Александром Прокофьевым мы спешим к минометчикам лейтенанта Ивана Павленко. О них комдив сказал: «Молодцы, прославились надо».

Затем вернулись в редакцию дивизионной газеты. При копилке, упершись грудью о доску грубо сколоченного стола, Прокофьев писал стихи: «...И славышней мужество наше прямое, я вижу, как входит в века: Дом, в шеплы разбитый.»

Герой-комсомолец. Столетние сосны. Река... Слова «славышней мужество наше прямое» быстро доходило до бойцов и командиров. Уже утром маленькая дивизионная газета со стихами Прокофьева была в окопах, на передовых позициях...

Воселод Вишневский горячо ратовал за то, чтобы военная журналистика эпохи Отечественной войны была глубоко и всесторонне изучена, чтобы за это дело непременно звались литературоведы и критики. Ведь какая это благодарная задача!

С ОДРУЖЕСТВОМ военной газеты с писателями — дело двустороннее. Зная, как велико внимание армейской общественности к работе наших писателей, какую большую пользу приносит их произведения делу воспитания советских воинов, редакций военных газет стремятся приобрести к этому важному делу и наших литераторов. Но увя!

ЕСТЕСТВЕННО, наши писатели не могли оставаться равнодушными к героической истории Советской Армии. Писатели — бывшие фронтовики извлекают свои записные книжки и обращаются к перу, чтобы поведать молодому поколению о всем славном, боевом, вызывающем гордость за нашу армию.

Прежде чем приступить к работе наших писателей, редакций военных газет стремятся приобрести к этому важному делу и наших литераторов. Но увя!

МАЙ, 1945 ГОД. Как родных братьев и отцов, встречали люди освобожденных стран советских воинов. Фото К. Вадуры

С ОДРУЖЕСТВОМ военной газеты с писателями — дело двустороннее. Зная, как велико внимание армейской общественности к работе наших писателей, какую большую пользу приносит их произведения делу воспитания советских воинов, редакций военных газет стремятся приобрести к этому важному делу и наших литераторов. Но увя!

И писатель Борис Лавренев — ветеран одной из старейших военных газет нашей армии, газеты Туркестанского военного округа «Фрунзевец», — подробно, почти с документальной точностью воспроизводит бурные дни становления Советской власти в Средней Азии, изданные годы юности фронтовой печати, все то, что представляет большой интерес для воинов-туркестанцев.

Обо всем этом можно сказать еще много горячих слов. Однако не в одних словах дело. Нужны практические шаги. Подполковник В. МЕРКУРЬЕВ ТАШКЕНТ

ЕСТЬ У МЕНЯ ДРУГ...

ЕСТЬ у меня друг Володя Бобров. В детстве мы жили почти что рядом в славном донецком городе, где прямо через центр проходил поезд, где огни в ночной степи не меньше, чем звезды в небе, где запах акаций бывает так крепко, что трудно уснуть до рассвета. Наши дома выходили на бывшую Петроградскую, а дворами на тихую Канавную улицу, сплещ поросшую бурьяном и полыньей. Здесь мы и играли в гражданскую войну, и в Пархоменко, и в бронепоезда, и в оборону Луганска, потому что и игры у донецких ребят были мужественными и суровыми. Здесь, в семье луганского рабочего, сражавшегося когда-то в степи под Острой Могилой, рос отчаянный голубоглазый парнишка, о судьбе которого я и хотел бы рассказать сегодня.

У нас в Донбассе профессии слесарей и механиков, литейщиков и машинистов переходят от отцов к детям по наследству, как родовые поместья, титулы или фамильные гербы. Так что к пятидесяти годам Володя был уже слесарем в паровозоборочном цехе. Он работал на сборке знаменитых в то время паровозов «1-5-1». И если сейчас мы встретим где-нибудь на разезде паровоз этой системы, жарко пахнущий машинным маслом и пылью дающих дорог, так и знайте, — в него вложена частичка жизни Володи Боброва.

В тридцатые годы, когда вся страна совершила высокий взлет, пошел мой друг по путевке комсомола в школу пилотов. Рабочий паренек оказался прирожденным летчиком, со стремительной мыслью и мужественным сердцем истребителя. На пятнадцатом полете строгий, но знающий синхронизации капитан Федченко разрешил ему самому взять штурвал в руки. С тех пор, вероятно, не меньше ползанин провел Бобров в воздухе, но и сегодня помнит об ощущении первого полета и ветерок аэродрома, пропавший безвизом.

В те годы мы неотрывно следили по карте за боями в районе Гвадаррамы, переплывали тут же, у газетных киосков, корреспонденции Михаила Кольцова и вдохновенно ценили комсомольских собраний песни смелых «Вальтера росса». Мы знали, о чем говорила вчера Паисиянова и какие шалости носят астурийские горняки. Мы мечтали, как светловский паренек, навечно отдать испанским крестьянам землю Гренадской воюности. Вы можете себе представить, с каким волнением и завистью встретил я в Москве летчика Боброва, вернувшегося из Испании, где он сражался добровольцем. Он прилетел оттуда, красный и молодой, возбужденный, словно только что вышедший из боя, опаленный жарким иерусалимским солнцем. Там, задолго до 22 июня 1941 года, сумел Владимир померяться силой и выдержкой с отборными фашистскими асами, познаться с лучшими немецкими самолетами. Это были юные «Юнкерсы», «Хейнкелы» и «Мессеры», словом, вся та чертова нечисть, которая позже появилась над нашей Родиной.

В небе пылающей Барселоны проходил Бобров первую школу воздушного боя. 15 апреля, — это день он запомнил навсегда, — сбил Бобров первый вражеский самолет. Всего же в Испании он сбил их тринадцать. А еще почему-то говорят, будто тринадцать — несчастливое число!

Забудь ли ему теплые ночи Валенсии, полные крупных незнакомых звезд, и долгие разговоры с командиром группы Николаем Романовым, который, словно предчувствуя, что скоро оборвется его полет, спешил поделиться самыми сокровенными думами со своим ведомым. Оставаясь в сторону кружку с терпким молодым вином, Романов увлеченно говорил: — Уйти, Владимир, в последний бой ты допустил промах. Ты только следил во все глаза за мною и потерял из виду противника. А когда «Мессер» тебя хорошо стеганул по спине, ты, конечно, опомнился. Так заруби себе на носу: истребитель тот, кто всегда ищет бой. Ты должен учить искать противника в ту минуту, когда отрываемся от земли, и можешь успокоиться тогда, когда выйдешь из кабины. А теперь давай вытеем, друг, за настоящих истребителей!

Через несколько дней Герой Советского Союза Николай Романов не успев вывести свой подбитый самолет из пня, сторел в голубом небе Валенсии. Но истребитель Бобров навсегда запомнил урок своего везучего.

Слова эти не раз помогали мне в жизни. С тех пор я искал противника в воздухе — прямо перед собой и у себя за спиной, слева и справа по борту, в облаках и за облаками. В общем так, как учил меня Болд Романов...

КАЖДЫЙ РАЗ, когда мне надо писать о 22 июня 1941 года, руки мои опускаются, и я часами сижу перед белым листом бумаги, никак не решаюсь начать первую фразу. Столько связано с этим днем неизгладимых воспоминаний, тяжелых раздумий и невольных потерь, что я и впрямь не знаю, как можно рассказать об этом. В ту ночь летчик допоздна засиделся у подполковника Попова. Рассказалось по домам, когда новый день уже явно обозначился на горизонте. И тогда-то, в розовом, еще полном довоенного покоя, небе Владимир увидел хищный силуэт «Хейнкеля», летевшего почти над самыми крышами. Все это было бы похоже на дурной сон, если бы не взрывы, реально и опутливо сотрясавшие землю под ногами. По придорожным кувшинам, обдирая лицо и руки, добрался летчик до аэродрома. А дальше все было, как в Валенсии: через несколько минут его «Чайка» поднялась в воздух.

Воздушный бой стремителен и краток, короток, чем эта фраза, написанная на букете. Не успев еще Бобров набрать высоту, как тут же над аэродромом был атакован фашистскими самолетами. Уверенные в своем численном превосходстве, они даже не думали прикрывать друг друга. Это особенно привело в ярость Боброва. «Сейчас я вам покажу, прыжком!», — крикнул он громко, как будто

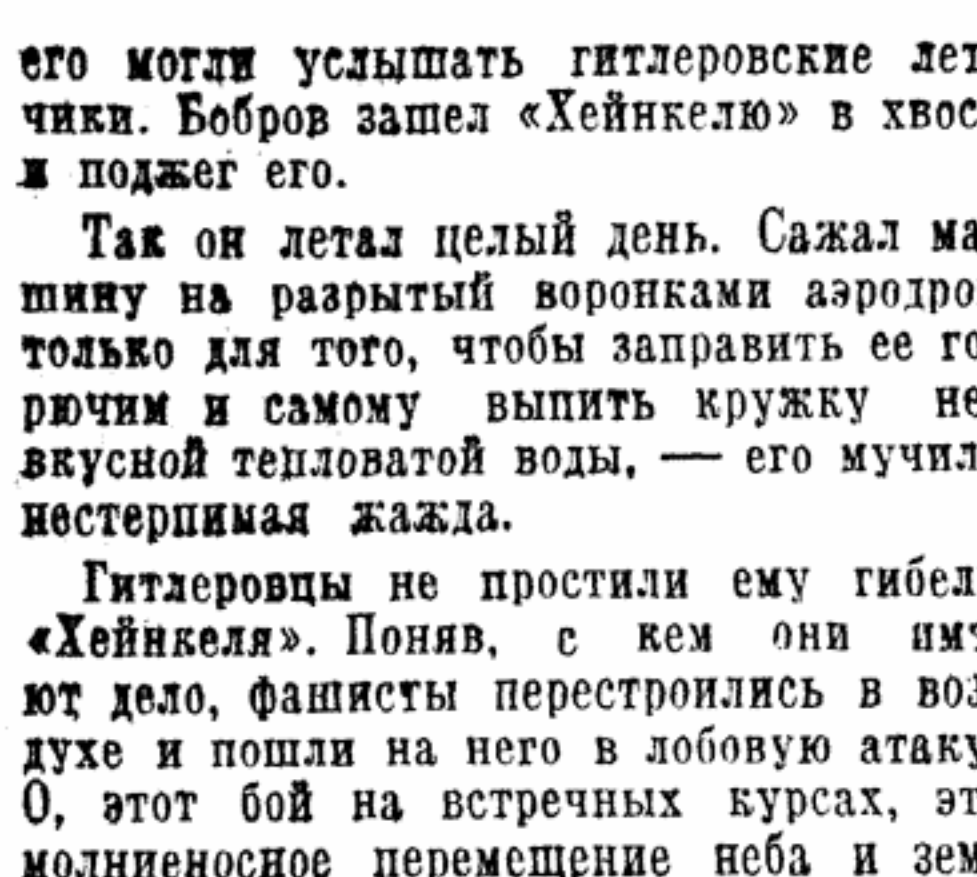
его могли услышать гитлеровские летчики. Бобров залел «Хейнкеля» в хвост и поджег его.

Так он летал целый день. Сажал машину на разрытый воронками аэродром только для того, чтобы заправить ее горючим и самому выпить кружку вкусной теплой воды, — его мучила нестерпимая жажда.

Гитлеровцы не прощали ему гибели «Хейнкеля». Поняв, с кем они имеют дело, фашисты перестроились в воздухе и пошли на него в лобовую атаку. О, этот бой на встречных курсах, это молниеносное перемещение неба и земли, этот поединок воли и самообладания! Бобров в пылу боя даже не заметил, как его ветровое стекло покрылось сетью морщинок. Приборная доска каскалась, и стрелки на приборах уже ничего не показывали. Дышать стало трудно от дыма, заполнившего всю кабину, и от режущей боли в груди, — кажется, он был ранен.

В последний раз он успел увидеть, как земля всей своей темной громадой надрывается на него, и подумал о том, как обидно умирать в самом начале войны. Каким долгим и трудным был этот день для Боброва. Подумать только, ведь все это произошло с ним в один и тот же день, — и дружеская встреча у подполковника Попова, и поединок с «Хейнкелем», и полет на пылающей «Чайке», и вот, наконец, госпитальная койка, на которой он оказался, раненый и обожженный. Иной человек жизнь проживет и не испытает того, что случилось с ним за один этот день.

История Великой Отечественной войны можно изучать по архивам и документам, а можно знакомиться с ней и по человеческим судьбам. Ну, хотя бы по судьбе летчика Владимира Боброва. В каких только краях не побывал он после излечения в госпитале, под какими облаками не приходилось ему вести воздушные бои. Разрушенные Ромны, горящая Брянск, безлюдный Ржев, обугленные Стара Русса, дважды перешедший из рук в руки Харьков, спасенный из неволи Львова, многострадальный Сандмир и Ченстохов, укрощенный Бундлау и Берлин, освобожденная Прага и многие, многие другие города и населенные пункты, при одном упоминании которых

В. И. Бобров

ком зенитного снаряда. Кровь сразу же наполнила штанину комбинезона и сапог. От сильной потери крови стал он видеть смутно, как бы сквозь воду. Летчик еще нашел в себе силы туго-натуго перевести раненую ногу ремнем от планшета. В таком состоянии Десятая сумел дотянуть самолет до аэродрома. Как он совершил посадку, как подрулил к ангарам, — он не понимает и сам. Очевидно, человеческая воля действует и тогда, когда начинает сдавать сердце и угасать зрение.

Друзья, подбежавшие к самолету, нашли Десятая в залитой кровью кабине в полном безмеметстве. Сознание не возвращалось к нему и в госпитале. Нужно было совершить чудо, нужно было во что бы то ни стало воскресить человека, — ведь он привез ценные сведения, от которых зависела судьба всего фронта.

Какая группа крови? — быстро спросил Владимир Бобров у врача и, нетерпеливо отрывая пуговицы, стал растергивать рукав своей гимнастерки.

Под-литра крови дал Бобров своему летчику. Так стали настоящим братьями по крови Владимир Бобров и Михаил Десятая.

После переливания Михаил открыл глаза и приподнял голову с подушки. — Где мой планшет? — пропел он с трудом фразой, словно заново учился говорить.

Он водил пальцем по карте, указывая то место в украинской степи, в которое в эту минуту вырвался зубья фашистских «танковых клещей». И пока он говорил, уже готовились к вылету самолеты нашей тяжелой бомбардировочной авиации.

С ТЕХ ПОР военная судьба надолго разлучила наших друзей. Владимир продолжал сражаться на Украине, а Михаилу после госпиталя врачи строжайше запретили служить в истребительной авиации. Ничего не поделаешь, пришлось пилоту пересаживаться на «ИО-2». Так бы и закончил войну Михаил Десятая на фанерном тихоходе, если бы весной в Бельцах не встретился снова со своим беспокойным командиром. Владимир Бобров узнал его сразу. Он подошел к нему сразу и хлопнул по плечу: «Здорово, истребитель. Как летаете?»

— Какой там к черту истребитель, — сказал в сердцах Десятая, — я теперь скорая помощь.

Поговорив по душам с товарищем, Бобров заключил:

— Не журись. Помогу тебе. Идем в Покровишину в штаб, он на врачей имеет большое влияние!

И вот Михаил Десятая снова в боевом полку. Снова Бобров — ведущий, а Десятая — ведомый, понимающий его с полуслова. Шадо лето предпоследнего года войны. Боброву и Десятаяу пришлось прикрывать с воздуха наши наземные войска, готовившиеся к большому наступлению. Пилоты летели над линией фронта, поддерживая связь друг с другом по радио. Познавшие Боброва были «Видра», познавшие Десятая — «Мордвин». Внезапно из-за облака вывалился самолет «Фокке-Вульф», которых бойцы попросту называли «Фоками».

— Я — «Видра», иду в атаку. Прикрывай меня, — сказал Бобров в микрофон, и одного «Фокка» гитлеровцы не достигали сразу. Но Десятая, увлекшись защитой своего ведомого, не заметил, как фашистский самолет залел его в хвост и поджег его.

— Я — «Видра», я — «Видра», — услышал он в племфоне долговязый голос своего командира, — «Мордвин», прыгай! — Но «Мордвин» хотел перелететь свой самолет через последний край. — Я — «Мордвин», я «Мордвин», — пропил он, — а потерял ориентировку. Наведите меня на Восток. — Это трагический диалог вели они по радио, когда языки пламени прорвались уже к бензиновым бакам, в кабину. Еще секунда, и от самолета ничего не останется. Я — «Видра». Я — «Видра», — настойчиво повторял знакомый голос. И вдруг, забыв все позывные, он крикнул: «Миша, прыгай немедленно!»

Очунулся Десятая уже в чужом блиндаже, где его допрашивал долговязый и бледный офицер, до ужаса похожий на картинку Кукрыникова...

Читателям известны подробности героического боя, совершенного Михаилом Десятаяем. О нем уже порядочно написано, а я сегодня пишу о его командире и друге Владимире Боброве.

Многочастивались быть свидетелем того, как встретилсь после стольких лет разлуки два пилота. Оба друга были чуть наивеле, но это можно простить, если учесть, что довелось им испытать со временем их последнее совместное полета. Коренящийся, телемогазиль Михаил Десятая с обожанием смотрел на своего ведомого, за которым был и сейчас готов ринуться в любой огонь.

Вот и все, что я хотел рассказать о жизни летчика первого класса Владимира Боброва. Нет, пожалуй, нужно добавить следующее. Когда уже мы прощались с ним и Бобров должен был улететь к себе на Дальний Восток, я попросил его назвать мне самый важный, самый значительный день в его фронтовой жизни. И тогда летчик ответил: — Я точно знаю этот день. Это было в декабре под Ржевом. Собственно говоря, Ржева уж тогда не существовало: он почти весь сгорел. В этот день прямо на аэродроме наш комиссар вручал мне партийный билет. Я его получил в левый карман мехового комбинезона, туда, где у летчиков хранятся самые дорогие вещи, письма от матери, фотографии любимой. А после этого начался бой. Мне никогда, ни до, ни после этого, не пришлось участвовать в таком сражении. Нас было четверо, а гитлеровцев двадцать семь. Это уже потом нам сообщали пехотинцы, которые сделали за боем из окопов. А нам тогда подсчитывать было некогда. Они напали со всех сторон. Ну, прямо как комары. И вот, вершись ли, в ту минуту я не думаю о том, что могу сгореть, погибнуть, разбиться. Я знал, что везу партийный бой как коммунист. И должен драться за правду, за троях сразу. И откуда у меня взялся в ту минуту силы? У вас, у писателей, говорят, это называется вдохновением, а как это называть у летчиков, — не знаю!

Иван РЯДЧЕНКО

ПУСТЬ РЯДОМ...

Забывши, где были траншеи, овраги, поля и ошухи. Поставлены нами в музеем войны победившие пушки.

На блеске стекла непростого — ботинки лехотого шага, в которых Иван из Ростова с боями дошел до рейхстага.

Найдешь и заслуженный «виллис», штапованный штык незабаванный.

На гранях его отразились салюты Победы нетленной.

Простерлись от Волги до Венги пути героической быт... Но где же разак автонтенный, которым мы мир возводили?

Прядется штыку потесниться: пусть рядом с участником сватки

покажет музей рукавицы известного мастера кладки.

И стеньды украсил бы робой, прожеванной от близкого жара.

Пусть в ряд с партизанской Европой сверкают очка старева.

Пусть токарь станок отстучавший музейю отдаст без ремота... Достойно музей и маршей оружие мирного фронта!

Алексей КАФАНОВ

ТАНК

Сбита башня, броня порыжела. Танк с боями прошел по земле. На тараны ходивший под Ржевом, Он сгорел в югославском селе.

Верно, детской рукою на танке Нарисована мелом звезда. В полдень в белых платочках крестьянки Подойдут по тропинке сюда.

Режет небо глаза синевою. Возле танка, в короткой тени, Подают и, склоняя голову, На минутку задремлют она.

РЕКА

Поезда везут меня подолгу Из Москвы в далекие края. Но всегда, пересекая Волгу, Я смотрю, дышаые затая.

Круто фермы выгнуты стальнее. Все отчетливей колесный стук. Караваны вскинув, частые У моста застали на посту.

Кажется, река до волн каспийских Развернулась по груди земной. К бронзе сталинградских обелков Орденом лентой голубой.

Встреча с украинскими литераторами

В Союзе писателей СССР вчера началось обсуждение произведений писателей западных областей Украины.

6 мая в Октябрьском зале Дома союзов состоялась первая встреча с москвичами. От имени Союза писателей СССР П. Скорыев тепло приветствовал собравших по перу.

Литературный критик и редактор журнала «Жовтень» («Октябрь») Ю. Мельничук коротко рассказал о развитии экономики и культуры западных областей Украины в братской семье народов СССР. Со своими произведениями познакомили писатели А. Шмигельский, Ю. Боршом-Кумарский, П. Козлянов, В. Глогор, М. Ткачдей, Л. Бако, М. Белетский, М. Ткач, Р. Братуш, Д. Павлюк. На украинском языке звучали стихи о Москве, о нашей великой Родине, о нерушимой братской дружбе советских народов.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Позвольте через «Литературную газету» выразить сердечную благодарность всем товарищам, организациям и учреждениям, поздравившим меня с пятидесятилетием и правительственной наградой — орденом Ленина.

Степан ОЛЕИНИК

Еще об изданиях Есенина

Последнее время наши издания все чаще выпускают сочинения выдающегося русского лирика Сергея Есенина. Это хорошо, и это отвечает пожеланиям читателей. Однако настало время сказать и о характере и качестве этих изданий.

Литературное наследие Сергея Есенина пока еще не собрано, не систематизировано и мало изучено. Есенин — поэт большой и сложный, крайне противоречивый в своем развитии. У Есенина есть немало произведений, от которых впоследствии он сам отказывался. Есть у него, как и у любого другого поэта, ранние ювешные стихи, незрелые и несовершенные. Эти последние стихи для него, никуда не включал Есенин, всегда очень строго отбиривший стихи для своих книг, никогда не включав в свои сборники. Он даже Пушкину не прочел слабах стихов. В 1924 году Есенин писал: «Я не поклонник отроческих стихов Пушкина... Из зрелых стихов я считаю ненужным все случайные стихотворные письма и эпиграммы, кроме писем к Языкову и Дельвигову».

Конечно, все написанное Есениным должно найти свое место в будущем академическом собрании его сочинений. Но надо ли без разбора преподносить массовому читателю, наряду с лирическими шедеврами Есенина, наспех сделанные им в юности альбомные записки и посвящения? Или вместе с крупнейшими произведениями последних лет его жизни печатать утраченные религиозной символикой произведения, которые мало понятны сегодня и имеют только историко-литературное значение?

Составители и редакторы массовых изданий почему-то утратили чувство назначения книги, не видят никакой разницы между изданием академическим и массовым. Такая практика ни к чему хорошему не приводит. С одной стороны, читатель получает произведения, в которых трудно разобраться без специальных историко-литературных пояснений; с другой стороны, незрелые и случайные строки, которым место в приложениях или примечаниях, включенные в основной текст сборника, создают неверное представление о поэте.

Обратимся к примеру. Двухтомник, выпущенный Гослитиздатом в 1955 году, был первым и пока наиболее удачным сборником, составленным в последнее время. Но составители даже этого двухтомника, такие опытные литераторы, как К. Зелинский и П. Чагин, включили в него ранние есенинские опыты. Туда вошло, например, такое слабое стихотворение: как «Жизнь»; туда включено и ошибочно признанное С. Есенину стихотворение С. Молота; есть погрешности и в подготовке текста. Немало слабых ранних стихов помещено в основной текст А. Дымшица в однотомнике, вышедшем в 1956 году в большой серии «Библиотека поэта».

Все это снижает, конечно, научное значение выпущенных изданий. Но уже полное недоумение вызывает по своему составу сборник стихов и прозы Есенина, выпущенный недавно издательством «Московский рабочий» массовым тиражом в серии «Библиотека поэта». Здесь поистине все свалено в одну кучу: и стихи известные, хорошие, и альбомные, случайные, вроде «Поэта» («Он бледен. Мыслит страшный путь...») и «Формы». Напечатан слабый sentimentalный рассказ «Бобыль и Дружок», а более артельный рассказ «У белой воды» пропущен. Неуместно напечатана статья «Железный Миргород», которая непонятна без специальных пояснений. Издательство «Московский рабочий» (директор тов. Еселев) и составители сборника (Е. Есенина, А. Есенина и Ю. Прокушев), видимо, забыли, что в «Библиотеку для юношества» следовало включить только самое лучшее из легстрого и неравноценного наследия поэта.

Создается впечатление, что издательство руководствовало не востанительными задачами, а чисто коммерческими. Иначе оно позаботилось бы о том, чтобы дать нашему юношеству действительно избранные произведения Есенина. В этом случае в сборник вошли бы не ранние опыты и посвящения, ни переруженные церковными образами произведения, такие, как

«Октябрь», «Отгарь» и другие, ни такие идеино-ущербные, имажинистские вещи, как «Кобылки корабли».

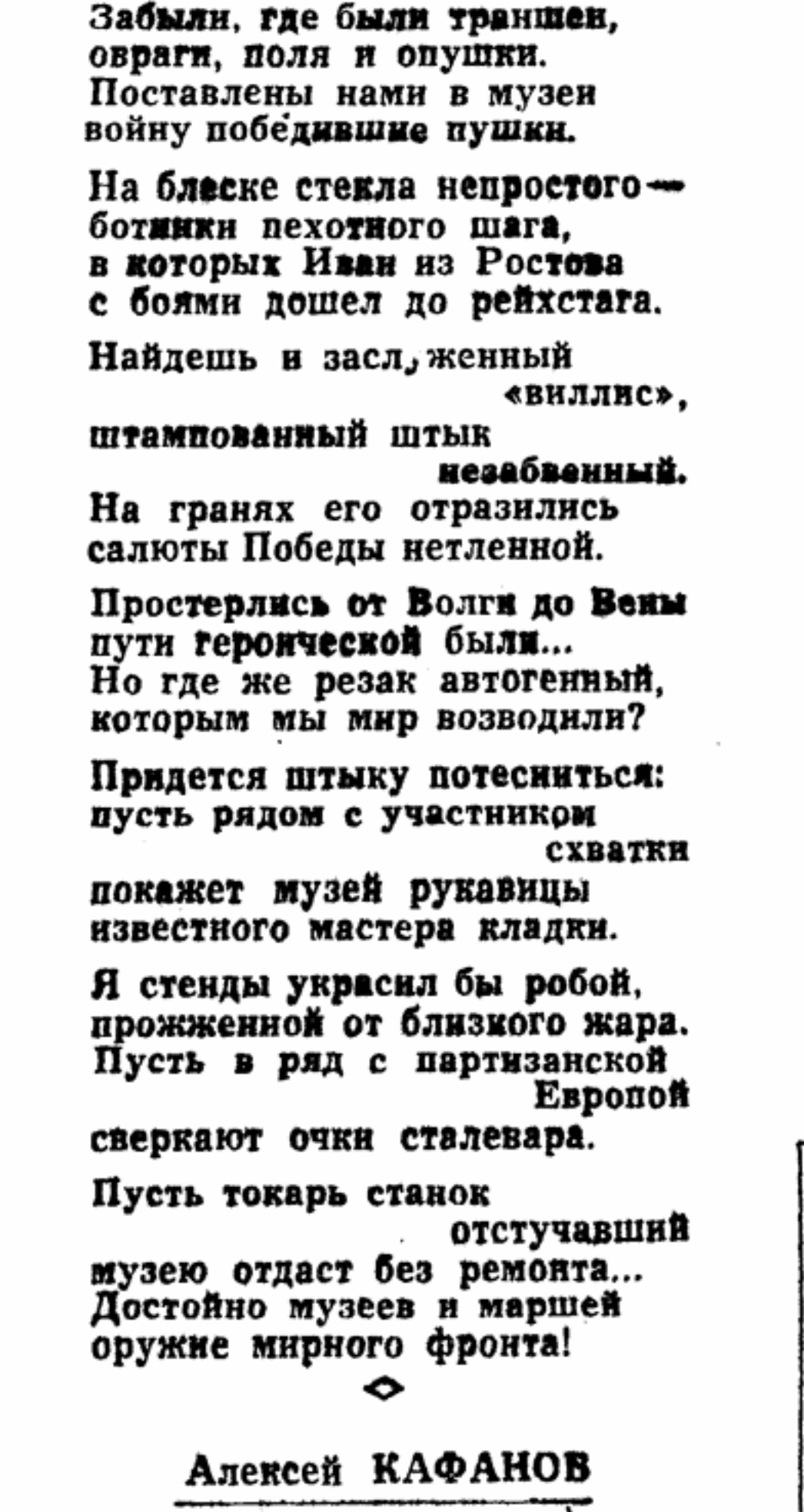
Самое непонятное в том, что издательство, не проявив никакой разборчивости в отборе произведений, освободило себя также от заботы предписать книгу предисловие, которое объяснило бы юному читателю сложное и отнюдь не во всем ясное творчество Есенина, показало, в чем его сильные и слабые стороны.

Хотя выходят все новые издания сочинений Есенина, начуть не продвигается вперед текстологическая работа, не уточняется, в частности, датировка некоторых ранних произведений. Надо, чтобы в будущем сочинения Есенина подготавливались к печати специалистами, имеющими соответствующий литературоведческий и текстологический опыт.

Выпускать произведения Есенина может каждое издательство, если оно подходит к делу с пониманием своей ответственности перед читателем и памятью поэта; если при этом оно ясно представляет задачи данного издания, заботится об отборе произведений и обеспечении книги нужными пояснениями и вступительной статьей.

Последний печальный опыт с выпуском произведений Есенина еще раз подтверждает мысль о том, что полное собрание его сочинений должно быть тщательно подготовлено в научном отношении. Такое же издательство не взялось за это, оно не может обойтись без активной помощи и предпрительской работы специалистов.

Как только речь заходит о научной подготовке собрания сочинений Есенина, у некоторых читателей возникает опасения: не будет ли таким образом это дело положено в долгий ящик. Вряд ли обоснована подобная тревога. Есть все возможности в сравнительно короткие сроки выпустить в свет собрание, научно проверенное собрание сочинений Есенина. Только надо, чтобы эта работа велась не кустарно, а была бы поставлена под контроль литературно-научных учреждений.

Литография худ. А. Ройтера.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«Подвиг Лиды Никитиной»

В ОЧЕРКЕ, опубликованном под этим заголовком (№ 45 «Литературной газеты» от 15 апреля с. г.), рассказывалось о доблести и отваге комсомолки Лиды Никитиной в годы Великой Отечественной войны.

Рассказ о подвиге Лиды Никитиной вызвал многочисленные отклики читателей. Редакция получила по этому поводу письма из Подмосковья, Ленинграда, Курска, Ростова-на-Дону, Закарпатья, Липецкой области и, конечно, из Крыма, где происходили события, описываемые в очерке.

«Советские люди, особенно подрастающая молодежь, — пишет из Ленинграда читатель В. Емичев, — должны знать о героических делах тех, кто отдал свою молодую, цветущую жизнь за свободу Родины». Эту же мысль высказывает Л. Александрова из Курска.

Среди многих фактов патриотической деятельности Лиды Никитиной, приводимых в газете, упоминалось и о том, как она, пренебрегая смертельной опасностью, длительное время скрывала советского офицера-пограничника Б. Ваксмана, а затем помогла ему, обманув фашистов, уйти к партизанам. Автор очерка писал, что ему не удалось до сих пор разыскать этого офицера. На днях в редакцию одновременно поступили два письма, имеющие прямое отношение к данному факту. В первом из них офицер А. Гутуев сообщает, что в одной с ним части служит Борис Ваксман — бывший партизан Зуйского отряда. В другом письме из той же части, присланном самим Б. Ваксманом, рассказывается, как энергично и бесстрашно действовала Лида Никитина, чья работа «приносила очень много пользы партизанам и всем честным советским людям». Вспоминая рассказывает автор письма, как Лида спасла его от неминуемой гибели, проявив исключительную смелость и на-

«Подвиг Лиды Никитиной» был одобрен на совместном заседании бюро Зуйского райкома КП Украины и исполкома районного Совета. В принятом постановлении «Об увековечении памяти героини комсомолки Лиды Никитиной» намечен ряд мер, в том числе: просить соответствующие областные организации присвоить имя Лиды Никитиной Красногорской семилетней школе; установить на здании школы мемориальную доску; пострить силами комсомольцев и молодежи памятник Лиде Никитиной в селе Курортном, где жила эта рядовая советская девушка, подвигом своим подносящая к вершине бессмертия.

В ряде писем авторы запрашивают редакцию о судьбе Татьяны Т., интересуюсь, не ушла ли она от ответственности за свое тяжкое преступление. Отвечая: предательницу давно настигла карающая рука советского правосудия, она понесла суровое возмездие.

„Наш вторник“

НА ОЧЕРЕДНОМ «вторнике» «Литературной газеты» выступили студенты Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского.

Наше высшее театральное училище, — сказал в кратком вступительном слове директор института М. Горбунов, — стает, в частности, его восьмидесять лет. На отделениях института учатся 500 юношей и девушек 45 национальностей. В институте работают многие крупные мастера искусства, готовящие достойные молодые кадры для театров нашей Родины и стран народной демократии.

На вечере выступили воспитанники института Ю. Кречетов, В. Козлов, А. Солодилин, В. Богачев, С. Бручич, С. Лобичева, М. Коканова, В. Самойленко, Л. Свердлова, Ю. Бурый.

Э. Крель, заведующий кафедрой П. Понтригин, концертмейстер А. Рубинштейн. Зрители тепло приняли гостей и пожелали им творческих удач.

ЛИТЕРАТОР

**СТИХИ
Ласло
Бако**

В Закарпатье живут и работают десятки тысяч венгров. На венгерском языке выходят газеты, устраиваются еженедельные радиопередачи; в многочисленных библиотеках трудящихся венгры имеют возможность читать художественную и политическую литературу на родном языке.

Несмало в Закарпатской области и литераторов, пишущих на родном венгерском языке. Из них наиболее известен закарпатскому читателю Ласло Бако. Его книги «Звени громче», «С открытым сердцем». «В потоке лет» были тепло встречены критикой, получили хорошую оценку в Венгерской Народной Республике.

Сегодня мы помещаем два стихотворения Ласло Бако.

НЕПОКОРЕННАЯ ВОЛНА

Весной повеяло издалека —
Плечом могучим двинула река.
Сломал холодное упорство льда,
Шумела счастьем пьяная вода.

Но радость преждевременна была:
Зима к рассвету вновь взошла.
Но кто сказал — волна побеждена?
Сквозь лед свергает радостно она!

АЛЛЕЯ АКАЦИЙ

Аллея акаций, аллея густая!
Ты смежные села связала собою.
Лугами зелеными бодро шагая,
Деревья-красавицы идут чередом.
Когда расцветают цветы твоим летом,
Друг другу головками тихо кивая,
То кажется, будто бы села

с приветом
Подружески руки при встрече
сжимают.

Как будто соседи смеются счастливо,
В ладонях друг друга тепло ощущая,
Когда благодатный, сверкающий
ливень

Акаций густую листву омывает.
Соседями добрыми издавна вместе
По жизни немало вы лет прошагали.
Различные лишь языки вашей песни,
Ласлящей в вечерние синие дали.

Аллея акаций Скажи, над тобою
Неужто щебечет по-разному птичка?
И разве иначе ты плещешь листвою
По разным сторонам сельской

границы?
А певчая птица зеленой весной
Иную ли песню поет и трепещет?

Вот так бы мне встречать суровый час...

Чтобы порыв к победе не угас,
Чтобы изгнать из сердца жалкий страх.

Чтобы сверкала радость на устах,
Чтобы искрилась вызовом она.
Как та непокоренная волна!

— О нет! — отвечает аллея акаций. — У птицы свободной один только голос.

Единую песню для дружеских наций
Рена напевает, и шепчется колос.
Единую землю единой весной
И пахнут, и светят, и несутся рядом.
По-разному лишь говорят меж собою.
А чувства едины, и общи их взгляды.

И в жизни пути у соседней едины:
Сады разодять и возделывать нивы.
Поднять человечество к светлой вершине

И каждого сделать навеки счастливым
Аллея акаций, аллея акаций!
Цвети и красуйся, расти с каждым годом.

Чтоб ширились связи соседних двух наций
Чтоб крепло повсюду единство народов

Перевел с венгерского Ан. АРСИРИЯ

**ПАМЯТНИК
В. ВЕРЕСАЕВУ
В ТУЛЕ**

БОЛЬШУЮ жизнь прожил Викентий Викентьевич Вересаев. Большое дело сделал в русской литературе. Он был верным спутником А. М. Горького, одним из лучших представителей критического реализма предреволюционной эпохи и стал одним из крупнейших советских писателей.

В Вересаеве любил простого русского человека — крестьянина и рабочего, преданного народу интеллигентом и умел талантливо выразить содержание их души, их беды и радости, их сомнения и искания, их ум и энергию, их самоотверженность и патриотизм. Он отлично знал жизнь русского человека, и созданные писателем образы русских людей глубоко правдивы и реалистичны.

В одном из писем А. М. Горького Вересаев говорит: «Я... всегда ощущал Вас человеком более близким мне, чем другие писатели...» Л. Н. Толстой был пленен художественными качествами лучших произведений Вересаева, говорил о том, что некоторые из них напоминают ему Тургеневу: «в них столько чувства меры и красоты природы и видна искренность и глубоко чувствующая душа».

Трудиться Тулу, где в 1867 году родился В. Вересаев и где многие годы он жил, глубоко чтит память своего земляка.

На днях в Туле был торжественно открыт памятник В. Вересаеву. На украшенной живыми цветами площадке перед парком культуры и отдыха во весь рост стоит монументальная фигура писателя, закрытая полотном. Вступительное слово произносит председатель Тульского горисполкома С. Шалашинский, о творчестве писателя говорит начальник областного управления культуры П. Лобанов. Затем выступают член областного литобъединения тов. Мосолов, заслуженный врач РСФСР тов. Фабрикантов, представитель завода «Штамп» тов. Тарасов и другие.

Памятник создан московскими скульпторами А. Рабиничем и Т. Поляковой. Гранитный постамент сделан по проекту архитекторов Г. Гаврилова и Е. Кутырава.
П. ЛУКИЦКИЙ

ПО ВОЕННОЙ ДОРОГЕ...

...Шел в борьбе и тревоге.
Боевой восемнадцатый год.

На военную дорогу герои нового фильма «Восемнадцатый год» — второй серии трилогии «Хождение по мукам» — вступили, собственно, еще в конце первой серии, в картину «Сестры».

Экранизация большого произведения советской литературы, рясущего многогранную картину эпохи, народного движения, революционных битв, и в то же время тончайшие изгибы человеческой психологии, семейных отношений, порывы чувств — общественные и личные — дело огромной сложности. Все в романе Алексея Толстого связано взаимно: личные взгляды, мировоззрение героев определяют их отношение к событиям, а ход событий влияет на судьбы и взгляды героев. В конечном счете перед читателями развертывается широкая эпопея, народная драма, в стороне от которой не остались и многие представители интеллигенции. В этом, пожалуй, фильму Г. Рошаля и надо было искать ключ к экранизации книги. Как же выглядели на экране герои «Хождения по мукам» в боевой восемнадцатый год? Развиваются ли они? Стали ли богаче, ближе, яснее для нас? Живут ли они в фильме поножковой жизнью, или актеры, с помощью режиссуры, лишь добросовестно воспроизводят основные эпизоды романа? Как, наконец, звучит в целом произведение, созданное средствами одного искусства и воспроизведенное языком искусства другого, особого, весьма от литературы отличного?

Для Телегина, завязавшего в конце первой серии своей жене Даше, что даже если от России один уезд останется, — и оттуда пойдет русская земля, вполне можно остановиться на улице и слушать речь коммуниста Рублева, напуганного вооруженных пролетариев в ратный путь, уместно попытаться поговорить с Рублевым — своим сослуживцем по Балтийскому заводу — о сути событий. А Рошину, сказавшему в последнем эпизоде «Сестры»: «Родины у нас с вами больше нет, — есть место, где была

наша родина», — правомерно отчитываться на юг, где он вскоре оказывается в рядах белой армии.

Здесь все соответствует развитию действия, сюжету в романе. Но и в этих начальных эпизодах и не раз еще на протяжении фильма возникает ощущение нарочитой выделенности такого поведения героя, а не органичности его неизбежности в силу конкретных жизненных обстоятельств, сознательно принятых решений.

Отсюда, быть может, и возникает впечатление известной фрагментарности повествования, как бы расплающегося на ряд масштабы сделанных, оживших иллюстраций к роману. А ведь кинофильмы, независимо от того — экранизация или нет экранизация, мы рассматриваем как самостоятельные произведения.

Если же сопоставить фильм с книгой, то окажется, что в картине наиболее вычужденными, запоминающимися получились персонажи второстепенные: адвокат Смокловиков, поэт Бессонов (хотя бы внешней оригинальностью своего облика и поведения), доктор Буланян, офицер Орлов, в эпизодическом образе которого так ярко выявлена вся опустошенность белого офицера, и, по-настоящему, Нефедов, пленный немец, случайно повстречавшийся Кате в поезде, командир Сорочкин и даже его, едва промелькнувший на экране, начальник штаба.

Это — не случайно: все они — люди с явно выраженной индивидуальностью, определенным складом ума, темпераментом, человеческой и социальной сущностью. Интересно отметить, что эти образы характерны «вышли» на экран уже как завершёнными и дальнейших изменений, внутреннего развития не получили. А ведь основные герои — Катя и Даша, Телегина, Рошину все время находятся в движении, в процессе становления взглядов, и, казалось бы, это давало режиссуре и артистам наиболее благодарный (хотя и более трудный) материал для лепки образов.

В фильме же обе сестры предстают примерно одинаково страдающими в разлуке с любимыми и одинаково активно стремившимися встретиться с ними. Телегина, после начального эпизода на митинге, мы сразу видим в окопах красных бойцов, и хотя он вновь обращается к приближенному на фронт в качестве комиссара Рублеву с просьбой рассказать ему о существе происходящего, зритель уже с уверенностью может считать его строительно «своим», стоящим бойцом за дело трудового народа. Что же касается Рошину, то процесс его политического прозрения происходит в фильме тоже несколько упрощенно.

Каковы же в картине передовые люди, олицетворяющие новый мир, силы, попавшие на борьбу за отторжение этого мира? Скажем прямо, образы их менее ярки, чем образы тех, кто противостоял им или, наоборот, занимал промежуточные позиции. Рублеву мы видели мельком в первой серии, с Иваном Гора, Аррипиной познакомились уже в боевых эпизодах второй серии. И, право же, все они мало отличаются друг от друга, выполняя в этом фильме, так сказать, служебные функции. Так мстит за себя фрагментарность построения фильма, в котором судьбы героев прослеживаются выборочно.

Между тем в профессиональном изображении решения фильма немало интересно, а мастерство ряда исполнителей, взятое само по себе, заслуживает высокой оценки.

В самом деле, сколько обаяния, искренности и, порой, душевного богатства

На снимке: кадр из кинофильма «Восемнадцатый год».

раскрывают в своих героинях Н. Веселовская (Даша) и Р. Ниפוнова (Катя), как сосредоточено, напряженно выжидая, к происходящему Рошину (Н. Грещенко), впрочем, и остальные исполнители, в пределах отпущенного им драматургического материала делают все возможное, чтобы образы их героев выглядели полноценными, живыми.

Творчество большого мастера кино Григория Рошаля никак нельзя назвать холодным, рассудочным. Достаточно вспомнить его поэтичную «Петербургскую ночь», волнующие сцены «Мусоргского», удалое раздолье многих эпизодов «Волынки». Однако в «Сестрах» и, пожалуй, еще больше в «Восемнадцатом годе» нет-нет, да обнаружив в построении кадра, ритме движения, цветовой композиции, монтажных переходах трезвый, математически точный, режиссерский расчет. Он, конечно, необходим в процессе творчества, когда полезно «ловить алгебру гармонии», но никак не должен быть навязчив. Иначе получается, что изображение на экране сильными драматическими событиями доходит только до рассудка и не заставляет биться сердце.

И все же, пожалуй, даже недостаток этой очень большой и сложной работы — почтенность для нашего кино. А достояние его особенно ценно. И обращение к значительной теме, к важному этапу истории страны и высокого профессионального мастерства, щедро обнаруживаемое во многих эпизодах фильма, и, что самое главное, большое познавательное и воспитательное значение картины — делают «Восемнадцатый год» явлением незаурядным.

И последнее замечание — о широком экране. Он очень умело используется при решении сцен массовых, батальных, эпизодов, снятых на природе. Но стоит обратиться к эпизодам камерным, крупным планам, — часть площадок экрана становится как бы ненужной, лишней. Не пора ли уже нашим крупным мастерам всерьез подумать о том, чтобы дополнительная площадь видения киноаппарата из величия количественной превратилась в качественную, чтобы фильмы широкие органически отличались от обычных...

Впереди — работа над третьей серией трилогии «Хмурое утро». Авторы, конечно, учтут достоинства и недостатки предыдущих. И если им удастся в соответствии с основной мыслью романа показать, что это было хотя и хмурое, но уже утро, если им удастся жизненно-убедительным путем завершить судьбы и образы героев, это определит окончательную оценку всей предельной кинематографиста сложнейшей и ответственнейшей работы.

Мих. БЕЛЯВСКИЙ

Пленум правления Союза писателей Грузии

В Тбилиси состоялся пленум правления Союза писателей Грузии. В его работе приняли участие деятели искусства, науки, представители партийных и советских организаций.

С докладом об итогах десятилетия литературы и искусства в Москве и очередных задачах грузинских писателей выступил первый секретарь Союза писателей Грузии И. Абашидзе.

Высокая оценка, данная производством грузинского искусства и литературы во время десятилетия в Москве, сказала он, — но многому обязывает Творческая интеллигенция Грузии не должна успокаиваться на достигнутом. В нашей повседневной работе необходимо учесть высказанные во время обсуждений в Москве критические замечания. Долг писателя, работника искусства — ядро и полно показывать в своих произведениях те великие преобразования, которые произошли в жизни народов страны в условиях советского строя.

На пленуме был обсужден также доклад секретаря Союза писателей Грузии С. Чилая «О подготовке к

Дискуссия о критике

В секции критиков и литературоведов Ленинградского отделения Союза писателей состоялась дискуссия на тему «Писатель и критик». В ней приняла участие группа московских критиков.

В докладе А. Дымшица отмечалось большое значение выступлений Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» для развития художественной литературы, критики и литературоведения. Докладчик подчеркнул необходимость борьбы против ревизионистских извращений, за чистоту метода социалистического реализма, а также против догматизма в критике, против попытки сузить традиции нашей литературы. Отрад писателей, занимающихся критикой и литературоведением, все еще в большом долгу перед народом, сказал докладчик. А. Дымшица остановился также на вопросах художественного мастерства критика.

И. ЗАВОЛОЦКИИ

МУДРОСТЬ РУСТАВЕЛИ

КАЖДАЯ книга имеет свою судьбу, и судьба некоторых поистине поразительна. «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели написан в конце XII века, но это и до сей поры настоящая книга грузинского народа. Стихи поэмы Руставели в течение веков переходили из рода в род, от отца к сыну, их дарили в приданое на свадьбах, люди заучивали книгу наизусть, а человек, равнодушный к ней, считался круглым невеждой. Можно сказать, что целые поколения грузинского народа мыслили нравственными категориями Руставели, составили из его афоризмов своеобразный кодекс морали личной и общественной.

Чем объяснить эта многовековая популярность Шота Руставели? Причины этого явления много, но мы рассмотрим лишь одну из них: моральную концепцию Руставели, которая положена в основу его поэмы.

Руставели был для своего времени высокообразованным и передовым человеком. Задолго до европейского Возрождения он возвестил людям начала новой гуманистической морали. Его идеалы предстают перед нами не в отдаленных рассуждениях, но в живом человеческом воплощении, в образах его героев и героинь, в образах сложных, зачастую противоречивых, нисколько непохожих на абстрактных носителей той или иной идеи.

Высокие идеалы мужества, верности долгу, служения Родине, идеалы бескорыстной дружбы и одухотворенной любви свойственны многим героям Руставели, но в первую очередь носителями их является витязь Автандил. Во имя дружбы, ради спасения погибающего друга Автандил бросает все: и свою возлюбленную, и свое высокое звание полководца, и свое богатство. Он ставит себя в положение бездомного бродяги, скитавшегося по свету без крова и пищи. На каждом шагу его подстерегают смертельные опасности. Одиночество и тоска о любимой гнетут его душу. Но он полон решимости свершить свой подвиг до конца. Этот подвиг преобразует духовный облик Автандила, сама природа теперь дивится ему. Засыпав его пение, звери выходят из лесов и идут следом за ним, мертвые камни выступают из реки и плачут вместе с Автандилом.

Моральный облик Автандила с наибольшей силой отражен в его завещании царю Ростевану. Уезжая на поиски друга, Автандил пишет царю:

Не осудишь ты, я знаю, государь,
мое решение.
Мудрый друг не бросит друга,
несмотря на все лишения.
Есть ли кто презренный труса,
удрученного борьбой,
Кто терзается и медлит, смерть увидев
перед собой?
Чем он лучше слабой пращи, этот воин
удалой?
Лучше нам гордиться славою, чем
добычею иной!
Смерть сквозь горы и ущелья прилетит
в одно мгновение,
Храбреев она и трусов — всех возьмет
без промедления.
И детей и престарелых ожидает
погребенье.
Лучше славная кончина, чем постыдное
спасенье!

теневых сторон. Это обстоятельство зачастую ставит в тупик иных литературоведов, склонных к прямолинейности и признающих в живописи только две краски — белую и черную.

В самом деле, некоторые поступки Автандила идут вразрез с его идеалами. Рыцарь дружбы и верный возлюбленной Тинатин, он неоднократно декларирует свою вассальную преданность царю Ростевану, который также души не чает в своем любимце. Однако, уезжая в первый раз на поиски Тарназа, Автандил попросту обманывает Ростевана, причем обман его сопровождается длительной мистификацией. Перед своим вторым отъездом Автандил пытается покуситься на жизнь царского визиря, а затем самовольно бросает свой пост полководца.

Но всего любопытнее его связь с Фатмью. Не видя выхода из своего трудного положения, Автандил забывает о своей возлюбленной, делается любовником Фатмьи, и по ее наущению убивает виночерийа — чачагира и сам в нем же неповинных стражей. С Руставели удивлен диковинным поведением своего героя. «Как решился он на это, невозможно нам понять!» — восклицает он.

Таким образом, фигура Автандила менее всего иконописна. Это противоречивый характер, полный земных человеческих страстей, посвятивший себя высокой идее, но не оторвавшийся от земли, породившей его.

А земля, породившая его, полна ужасов. Арабы в поэме Руставели сражаются с хатавами, Тарназ — со стражей Ростевана, с кадыками, с двоями, Автандил — с пиратами, с чачагиром и его слугами, Фридон — с собственным дядей и его сыновьями, слуги Фатмьи топят похитителей Нестан-Дареджа, и вся эта кровавая эпопея завершается небывалой резней в крепости Каджети. Мир средневекового зверства грядет на нас со страниц поэмы. Дожь, коварство, двуличие, алчность, трусость, клеветническое допоянют картину этого неприглядного мира, где живут герои поэмы, одержимые страстью духовного совершенства и в то же время болеющие всеми болезнями века, который их породил.

Если Автандил является убежденным и деятельным противником зла, то его друг Тарназ, центральный герой поэмы, сложенный многочисленными неудачами, терпит волю к жизни и становится миджнуром в том смысле, в каком часто понималось это слово на средневековом Востоке. «Миджнур» есть грузинское видоизменение арабского слова «меджнун», что значит: обезумевший от любви, одержимый неистовой любовью. Удрученное неправдами окружающего мира, средневековое воображение искало в любви то состояние экстаза, отрешенности от бытия, которое возводило бы человека вынуждая за пределы его человеческие способности и спрыскиваться с непогрешимыми началами мироздания. Имев в основе естественное человеческое чувство, миджнур творил из объекта своей любви высочайший идеал, предмет поклонения, соединение с которым становилось для него, по существу, невозможным. Миджнур обычно бежал от людей в дикие пустыни, скитался в окружении зверей и постепенно превращался в безумца, отрешенного от реальной жизни.

Руставели тоже слагает миджнуров, он и самого себя называет миджнуром во вступлении к поэме. Но его идеальный миджнур от реальной жизни не отрешается. Наоборот, истинная любовь, в понимании Руставели, возмывает человека, одухотворяет его, обогащает высокими моральными качествами, придает силы в борьбе с трудностями жизни.

Русский советский поэт И. Заволоцкий широко известен также как переводчик. В частности, большой вклад сделал им в перевод на русский язык грузинской поэзии. Недавно в Тбилиси вышел двухтомник грузинской классической поэзии в его переводах. Итогом многолетней работы И. Заволоцкого является недавно завершённый перевод генерального творения Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Поэму Руставели знают во всем мире. Существует немало переводов ее на русский язык и на языки других народов Советского Союза и зарубежных.

Витязя за перевод «Витязя в тигровой шкуре» — значит проделал огромный труд не только «чистого» поэтического (перевод поэтического своеобразия подлинника и т. д.), но и исследовательский. Труд И. Заволоцкого высоко оценен теми, кто любит и ценит грузинскую поэзию.

Сегодня мы печатаем статью Н. Заволоцкого, в которой он делится своими мыслями о бессмертном создании Руставели.

Тарназ, витязь в тигровой шкуре, в начале своей жизни во многом напоминает Автандила. Он занят энергичной деятельностью царедворца и совершает бесчисленные воинские подвиги. Любовь к царевне Нестан-Дареджан является побудительной силой его жизнедеятельности, причиной многих его подвигов. После похищения Нестан-Дареджан Тарназ в продолжение десяти лет разыскивает свою возлюбленную, проявляет кипучую энергию в борьбе с ударами судьбы. Но поиски остаются тщетными, надежды угасают, воля к борьбе слабеет, и Тарназ, удалившись в пустыню, падает в отчаяние. В апогее своего отчаяния он живет страстным ожиданием смерти и загорбонно свидания со своей возлюбленной. В ответ на увещания Автандила он заявляет:

Одного лишь я желаю, умирая
от недуга:
Чтобы встретился за гробом я и
милая подруга,
Чтобы мы, покинув землю, вновь
увидели друг друга...

Пусть друзья меня скорпят,
это — лучшая услуга.
Разве может жить любовный,
если милой больше нет?
Нынче радостно иду я
за возлюбленной вослед.
Горько милая заплачет,
зарыла я в ответ!
Мне дороже ста советом сердца
собственный совет.

В своем клятвенном плену царевна Нестан-Дареджан также близка к этому состоянию, она также живет радостным ожиданием загорбонно свидания со своим возлюбленным. В своем знаменитом послании к Тарназу она пишет:

Без тебя не светит солнце, ибо ты —
его частица!
Зодиак его любимый, ты обязан
с солнцем слиться!
Я в лучах тебя увижу, сердце
светом озарится!
Горько было жить на свете —
следко с жизнью распостысь!

Таким образом, они приходят к полному отрицанию земного бытия. Предметы видимого мира теряют для них реальные очертания и преобразуются в символы вечной жизни. Шкура тигра становится для Тарназа символом его тигроподобной подруги, чалма для Нестан-Дареджан — символом любви Тарназа. Даже в образе тигрицы, которую Тарназ убивает на охоте, ему чудится потерянная царевна:

Меч я бросил и тигрицу, прыгнув
на землю, схватив,
Я искал ее лобзаний ради той, кого
любил.
Но она рвала мне кожу и рычала, что
есть сил.
Распалился я от боли и прекрасную
убил.

Важно отметить то обстоятельство, что вера в загробное бытие, свойственная этим миджнуром Руставели, лишена привычных церковно-религиозных очерта-

Вседержитель милосерден, это мир исполнен зол.

Пытаюсь проникнуть за грань человеческого разума, миджнур устремляется мыслью в пространство вселенной, в мир звезд и планет, рождено человека с которыми так сильно выражено в знаменитом астральном гимне Автандила, а также в письме Нестан-Дареджан. Пифагорова «гармония миров» и идеи неоплатоников, как это было отмечено в литературоведении, отразились в произведении Руставели значительно ярче, чем современная ему религиозная христианская концепция. Недаром поэма Руставели испытала в старину столько гонений со стороны грузинского духовенства.

Увидев Тарназа в состоянии, близком к безумию, Автандил обращается к нему с такими словами:

...Это худшее из дел
кто из нас не ведал страсти, кто
в горище не горел!
Но никто же не рвался к смерти,
пронжая свой удел!
Почему твоим рассудком ныне дьявол
овладел?

Коль ты мудр, то знай, что мудрость так
вещает нам с тобою:
Муж не должен увнатыся
в столкновении с судьбою.
Муж в беде стоять обязан неприступно
стену.

Коль заходит ум за разум, все кончается
бедою!

Негативная правда отрицания пороченного мира, носителем которой является Тарназ, сталкивается здесь с позитивной правдой Автандила — правдой жизнеутверждающей, правдой борьбы и активного преодоления зла. После многочисленных испытаний правда Автандила побеждает. Сила разума, дружбы и любви торжествует: Тарназ с помощью Автандила возвращается к жизни и обретает в ней все то, что считал навеки утраченным.

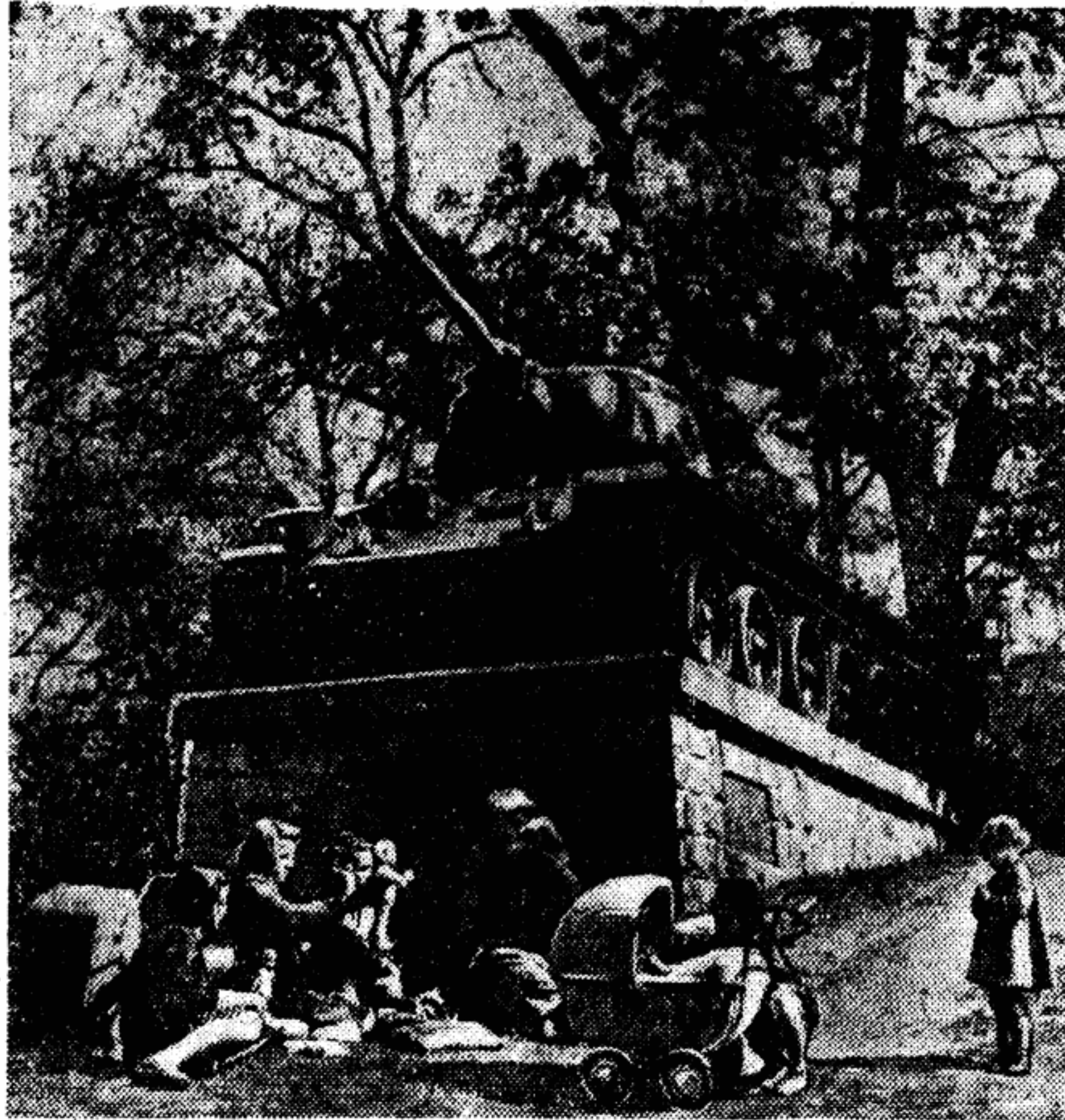
По сути дела, Руставели возражает против пассивизма, против его освященными веками ореола и призывает человека к деятельной борьбе во имя справедливости. В этом и заключается поэтический подвиг Руставели-мыслителя, подвиг постижения национального значения. Грузинскому народу суджена была нелегкая судьба. В продолжение столетий он испытывал такие потрясения, которые потребовали от него величайшего напряжения всех нравственных сил. Неравная борьба с восточными деспотизмами, едва не закончившаяся физическим истреблением грузинского народа, требовала жизнеутверждающего слова.

Мудрость Руставели заключается в том, что он отказался от примитивной пропаганды своей жизнеутверждающей правды вне сопоставления ее с правдой пассивного отрицания зла, с правдой негативной. Пассивная правда отрицания зла разрешалась в сфере отдельной личности и не выходила за пределы ее, в те время как мужественный голос Руставели призывал к единению и борьбе. Жизнь показала, что правда Руставели была общепризнанной правдой, а слово Руставели прочно вошло в грузинское сознание и завоевало себе общепризнанный авторитет.

Руставели не нуждается в наших восхвалениях, так как время и люди сделали его книгу бессмертной. Не нуждается он и в извинениях в тех случаях, когда моральные особенности его героев расходятся с нашими собственными представлениями. По Руставели нуждается в объяснении и толкования. Нужно, чтобы русский читатель, не знакомый с особенностями грузинской истории и культуры, воспринял поэму Руставели во всей возможной ее полноте.

БРАТСТВО

Права обрел, идет вперед Чехословакия народ, И, ласковым теплом согрета, Волна — то нам слова приветя Шлет Прага, Братислава шлет.

Ничего воды спокойной Влтавы утка с того дня мая 1945 года, когда жители еще окутанной пороховым дымом Праги увенчали лавром советского воина-освободителя. Давно уже, сбросив шинели, вернулись в родные края советские солдаты. Но горячая благодарность хранится под каждой кровлей у каждого чехского и словацкого очога.

Советские танкисты спасли от разрушения древнюю Прагу. И с тех пор советский танк, возведенный на пьедестал, превратился в символ победы над силами мрака и фашизма, в символ мира на освобожденной земле наших братьев. У величественного пьедестала под сенью цветущих каштанов спокойной и безмятежно играют чехословацкие дети. И так повсюду, в индустриальной ли Остраве или в долине, где весна уже расстелила свои зеленые ковры, у подножья Высоких Татр, чьи вершины сверкают вечными снегами.

У нас с чехами и словаками общие цели, общие идеалы социализма. Именно поэтому мы радуемся их успехам. Мы гордимся тем, что

ныне народы Чехословакии поставили перед собой задачу в самые ближайшие годы завершить в основном построение социалистического общества, перегнать в производстве продукции на душу населения наиболее развитые капиталистические государства. Уже сейчас по выпуску стальной на душу населения Чехословакия приближилась к уровню США, а по производству прокатного оборудования находится на одном уровне с ними.

Хорошо знает Чехословакия Её голос спокойно и уверенно звучит на международной арене. Каждый чех и каждый словак с гордостью и уважением стверждает провозглашение, что хотел бы «освободить» их родину, чтобы на чехословацкой земле вновь восторжествовали капиталистические джунгли. «Во всем мире, — пишет газета «Права», — дружба и даже враги вынуждены признать теперь силу и мощь Советского Союза. Именно эта мощь и сила Советского Союза придадут нам чувство безопасности и уверенности, чувство того, что мы можем опираться на верного друга».

В канун большого праздника наших братьев мы шлем слова приветя Праге и Братиславе... Пусть же крепнет прочная, как сталь Урала и Острвы, дружба наших народов!

МНОГИХ американистских генерал охватили после второй мировой войны мучительный зуд сочинительства. Не отличившись на полях сражений, они решили испытать свои способности на ниве литературного творчества. Риджуэй долго сопротивлялся этому искушению. Возможно, бывший главнокомандующий вооруженными силами НАТО понимал, какое впечатление могут произвести на мыслящего читателя его воспоминания о второй мировой войне. Но, наконец, и Риджуэй разразился в 1956 году книгой под названием «Солдат».

На страницах книги Риджуэй не без хвастовства изложена его биография. Скажем прямо: нет в этой биографии военных подвигов и высокого сознания, которые могут быть порождены только освободительной борьбой. Но в одном отношении эта книга представляет несомненный интерес. Она, помимо желания ее автора, характеризует те цели, которым служат армия США и ее командный состав. Эти цели определяются хищными интересами американских монополий.

Риджуэй решил посвятить себя военной карьере, послушавшись рассказов отца, который участвовал в 1900 году в учиненной империалистами зверской расправе с народными вождями Ихтуаней в Китае. Орудия Риджуэй-отца «стремыхали у стен Пекина», расстреливая безоружных повстанцев. Военная служба автора книги тоже началась в Китае, в 15-м пехотном полку армии США, вторгнувшись в северную часть страны.

В дальнейшем в течение многих лет Риджуэй находился в войсках США, выполнявших поручения своего правительства в странах Латинской Америки. В Никарагуа он американским штыком и пулей «обеспечивал свободу выборов» (1), в Бразилии добивался для США аэродромов и морских портов, в Центральной Америке насаждал характерный для США «стремительный образ жизни». Он успел побывать и за пределами американского материка, на Филиппинах, в качестве военного советника генерал-губернатора. Хотя Риджуэй стыдливо умалчивает о своей деятельности в этой американской колонии, можно не сомневаться, что и тут он применял свои военные знания, полученные в военно-учебных заведениях США, против беззащитного населения.

С началом второй мировой войны правительство США приступило к формированию новых военных соединений, и Риджуэй стал командиром 82-й воздушно-десантной дивизии. Дивизия побывала в Африке и Испании, где ни разу не встретила серьезного сопротивления со стороны противника. Не отличившись в боях, солдаты и офицеры этой дивизии, вскоре переброшенной в Англию, усердно предавались излюбленным развлечениям. Они разбавлялись с неграми, служившими в частях обслуживания, мародерствовали и пьянствовали. Риджуэй не только снисходительно относился к бесчинствам, — он считал их проявлением боевого духа. Стоял хотя бы следующее воспоминание: «...Солдаты, — пишет он, — были настроены очень воинственно. Им не давало отвести душу, и они начинали развлекаться, бросая друг в друга бутылки. Хозяйка, очень милая женщина средних лет, случайно

упомянула, но и в новых книгах дух молодых поэтов Иржи Штолы и Мирослава Флорана, вызвавших живое отклики, особенно среди чехословацкого молодёжи.

Книга Штолы «Мир наш духовный» отражает сложность в духовном формировании нашей молодежи. В ряде стихотворений пролегла пафос созидания, свойственный современному человеку, который решил «не есть даром хлеб этого времени», который хочет строить новый мир социализма, рождающийся и крепнущий вопреки всему, как единственная надежда человечества. М. Флоран в поэтических сборниках «Двери настезь» и «Головокружение» значительно ближе многих других молодых поэтов подошел к новому взгляду на действительность во всей ее сложности и противоречивости. Жизнелюбие — одна из характерных черт творчества М. Флорана.

Из произведений прошлого года я хотел бы кратко остановиться еще на двух книгах. Первая из них — сборник сатирических рассказов словацкого писателя П. Карваши «Чертова копыта», продолжающий его книгу «Черт не спит», переведенную уже на несколько языков. Эту книгу мы можем назвать не только наиболее успешным успехом словацкой литературы минувшего года, но и одним из наиболее значительных произведений в развитии современной чехословацкой литературы вообще. Карваш в своих рассказах останавливается на важных моральных проблемах нашего времени, он пишет об этом для того, чтобы разоблачить и осудить все пережитки прошлого во имя идеалов социалистической этики. И хотя его книга не лишена недостатков, думаем, что произведения, подобные сборнику П. Карваши, лежат на главном направлении борьбы за углубление партийного, заинтересованного отноше-

ния к современности, без которого нет роста, нет подъема.

Другая книга — это новый роман Зденека Плухаржа «Если ты оставишь меня». Действие его разворачивается в среде чешской реакционной эмиграции в Западной Германии, в лагерях беженцев, многие из которых тяжело переживают крах иллюзий о «западной демократии». Плухарж несколько сузил свою задачу, сосредоточив внимание главным образом на изучении судей двух людей, но, несмотря на эту узость, роман Плухаржа — это одно из немногих произведений, живыми нитями связанное с нашей современностью.

Мы говорим все время о произведениях, характерных для произведений более глубокого отношения к действительности. Однако, если мы хотим видеть состояние современной чехословацкой литературы как целого, то нельзя обойти молчанием тот факт, что в поэтических сборниках прошлого года еще часто преобладают недостаточное зрелые — с точки зрения мастера и идейного содержания — произведения, формальное совершенство которых является лишь следствием общей высокой культуры современной чехословацкой поэзии.

Нельзя не видеть также того, что в прозе многие авторы держатся в почтительном отдалении от всего, чем живет современный мир, что исторические темы серьезно отпадают от современности. В дискуссии о так называемой современности вопрос сводится порою к тому, что понятие «социалистический» подменяется туманным, расплывчатым надклассовым понятием «современный», к смазыванию специфических художественных целей нашей литературы.

Сложность сегодняшней литературной ситуации в Чехословакии обусловлена отчасти и неопределенностью позиций многих критиков-марксистов, нередко пассивно или нейтрально относя-

СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ И АМЕРИКАНСКИЙ ГЕНЕРАЛ

Решающим фактором, сорвавшим операцию германского командования в Арденнах, явилось грандиозное наступление Советской Армии. Предпринято по просьбе правительства Англии и США ранее намеченного срока, это наступление оказало неопенимую помощь их войскам, вынудив германское командование приступить к переброске больших соединений из Ардена на советско-германский фронт.

Заведомо фальсифицируя историю, Риджуэй не только умалчивает о советском наступлении, начатом в январе 1945 года, но даже, вопреки историческим фактам, приписывает провал арденнского наступления немцам заслугам американских войск. Английских союзников он и вовсе сбрасывает со счетов. «Начавшись во мраке и смятении, под мрачной тенью смертельной опасности, — пишет он, — эта битва окончилась нашим триумфом». «Триумф» заключается в том, что войска США и Англии избежали разгрома, и то только потому, что Советский Союз, движимый чувствами боевого товарищества, пришел им на помощь. Но уж зато у Риджуэя никаких союзнических порывов не наблюдалось.

Автор с восторгом описывает, как нарушалась союзническая обязательность войсками США и Англии. «Мы прошли, — поведует он, — на 50 километров восточнее той линии, которая была предварительно намечена для встречи союзных войск с русскими. Затем по приказу Монтомэри я крепко зацепился за эту «Висмарскую подушку», так как она могла быть использована для переговоров». Так войска США и Англии сознательно изменили союзническим обязательствам.

Характеризуя конец войны в Европе, Риджуэй старательно умалчивает и здесь о том, чьи усилия были завоевана победа. В его книге нет даже упоминания о вкладе советскими войсками Берлина, о капитуляции Германии. Отделяясь от реальности, Риджуэй пишет: «Война в Европе закончилась, кровопролитие прекратилось», американский генерал принимается хвалить гитлеровцев. Он пишет: «Мы видели немецкого солдата в бою... уважали его как солдата». Правда, он тут же упоминает о немецко-фашистских лагерях смерти, но делает это лишь формально, начиная тут же без всякого перехода сокрушаться о том, что Германия еще не объединена. В этом, как известно, повинна агрессивная политика правящих кругов США и Англии, осуществивших раскол Германии и выступавших против германского мирного разрешения германского вопроса. Риджуэй и сам дает в нескольких местах понять, что оккупация Германии вполне устраивает американскую военную и ее хозяев.

Но вот, наконец, Риджуэй вспоминает о Советском Союзе, вспоминая только для того, чтобы обрушиться с бранью на советских солдат, чей бесмертный подвиг спас все человечество от гитлеровского ига. Советских солдат и офицеров, мужество и стойкость которых поразили весь мир, Риджуэй называет... позорными, грязными и грубыми. Чем же он подтверждает это неслыханное и подлое утверждение? Только тем, что на одном приеме присутствовал офицер «саженного роста и громадных размеров в ширину».

В этом первом же бою Риджуэй проявил полнейшее безразличие к жизни своих подчиненных. Тем не менее высшее командование иначе оценило усердие Риджуэя: он стал командиром 18-го корпуса, получившего в декабре 1944 года задачу — участвовать в отражении немецкого наступления в Арденнах.

Вспомогательным фактором, сорвавшим операцию германского командования в Арденнах, явилось грандиозное наступление Советской Армии. Предпринято по просьбе правительства Англии и США ранее намеченного срока, это наступление оказало неопенимую помощь их войскам, вынудив германское командование приступить к переброске больших соединений из Ардена на советско-германский фронт.

Заведомо фальсифицируя историю, Риджуэй не только умалчивает о советском наступлении, начатом в январе 1945 года, но даже, вопреки историческим фактам, приписывает провал арденнского наступления немцам заслугам американских войск. Английских союзников он и вовсе сбрасывает со счетов. «Начавшись во мраке и смятении, под мрачной тенью смертельной опасности, — пишет он, — эта битва окончилась нашим триумфом».

«Триумф» заключается в том, что войска США и Англии избежали разгрома, и то только потому, что Советский Союз, движимый чувствами боевого товарищества, пришел им на помощь. Но уж зато у Риджуэя никаких союзнических порывов не наблюдалось.

Автор с восторгом описывает, как нарушалась союзническая обязательность войсками США и Англии. «Мы прошли, — поведует он, — на 50 километров восточнее той линии, которая была предварительно намечена для встречи союзных войск с русскими. Затем по приказу Монтомэри я крепко зацепился за эту «Висмарскую подушку», так как она могла быть использована для переговоров». Так войска США и Англии сознательно изменили союзническим обязательствам.

Характеризуя конец войны в Европе, Риджуэй старательно умалчивает и здесь о том, чьи усилия были завоевана победа. В его книге нет даже упоминания о вкладе советскими войсками Берлина, о капитуляции Германии. Отделяясь от реальности, Риджуэй пишет: «Война в Европе закончилась, кровопролитие прекратилось», американский генерал принимается хвалить гитлеровцев. Он пишет: «Мы видели немецкого солдата в бою... уважали его как солдата».

Храбром Риджуэй немедленно пришла в голову мысль, что этого офицера привезли специально для того, чтобы запугать самого Риджуэя. Движимый этим нелепым предположением, порожденным его трусоватым и его подозрительностью, Риджуэй думал о том, как бы всады в советских офицеров, с которыми он впервые встретился, несколько пуль из его легендарного «Спрингфильда».

Автор ни перед чем не останавливается, чтобы оклеветать своих русских союзников. Он и в этом следует по стопам барона Монхаузена. Так, он сообщает читателю, что, насмотревшись американских кинокартин о боевых действиях воздушно-десантных войск, один советский офицер «выпрыгнул из окна третьего этажа, желая доказать, что русские крепки и не нуждаются в парашютах». С помощью подобной развесистой клюквы американский генерал старается доказать, что советским войнам, победившим жестокого, коварного и сильного врага, не были известны даже такие простые предметы воюнского снаряжения, как парашюты.

Уместен вопрос, для чего все это пишется? Ответ на этот вопрос можно найти в самой книге Риджуэя. Захлебываясь от верноподданнических чувств, он цитирует слова бывшего военного министра США Стимсона, что Соединенные Штаты должны завладеть и сохранить в своих руках «руководство мировой политикой», опираясь на свою военную мощь. Бредовые планы мирового господства кружат голову Риджуэю. И поскольку Соединенным Штатам не удается реализовать эти планы, Риджуэй высказывает недовольство. Да, он недоволен! Он недоволен тем, что после войны некоторая часть американской армии была демобилизована. По его словам, это была бессмысленная и позорная демобилизация. Он недоволен тем, что американские солдаты не желают служить в армии США и требуют, чтобы их отправили домой. Эти требования вызвали у Риджуэя приступы «гнева и отвращения». Он недолюбил даже и тех, кто на Ипонию было сброшено, как он сам признает, две атомные бомбы. Вследствие чего США не получили в должной мере необходимых им «ценный опыт» за счет жизней мирного населения японских городов.

Не удивительно, что по отношению к Советскому Союзу и другим социалистическим странам, самое существование которых противостоит американским планам мирового господства, Риджуэй штатает злобную ненависть. Он с возмущением признает, что миролюбивые предложения СССР могут помешать США развязать новую мировую войну, предпринять неожиданное нападение на социалистические страны. Генерал Риджуэй так и пишет: задачи советской политики «сводились попросту к следующему: уничтожить всякую Соединенных Штатов, предпринять нападение на Россию». Риджуэй хотел бы, чтобы никто и ничто не препятствовало агрессии американского империализма. Но этим своим несуразным желанием он лишь с головой выдает подлинную цель внешней политики того правительства, которому он служит.

Президиум Всероссийского театрального общества с глубоким прискорбием сообщает о смерти драматурга, лауреата Сталинской премии, заслуженного деятеля искусств РСФСР Бориса Сергеевича Ромашова.

Правление Союза писателей СССР, Оргкомитет Союза писателей РСФСР, Московское отделение Союза писателей Литературный институт имени А. М. Горького.

Последней после тяжелой болезни, и выражает соболезнование семье покойного.

От комиссии по организации похорон Б. С. РОМАШОВА

Похороны писателя-драматурга, профессора, заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата Сталинской премии Бориса Сергеевича Ромашова состоятся 9 мая на Новодевичьем кладбище. Доступ к телу для прощания с покойным будет открыт в Центральном Доме литераторов (ул. Воробьевского, д. 50) 9 мая с 11 часов утра до 2 часов дня. Гражданская панихида состоится там же 9 мая, в 2 часа дня.

Правление Союза писателей СССР, правление Союза писателей РСФСР и правление Союза писателей Кара-Калпакской АССР с глубоким прискорбием извещают о смерти каракалпакского писателя, заслуженного деятеля искусств Узбекской ССР БЕГИМОВА Асана Изминовича, последовавшей после тяжелой болезни, и выражают соболезнование семье покойного.

И. о. главного редактора В. ДРУЗИН. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБЧИКОВ, В. СОЛОХИНИ.

Борис Сергеевич Ромашов

Сюжетами заслуженный русский писатель, заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор Борис Сергеевич Ромашов, один из старейших драматургов, творчество которого сыграло большую роль в развитии советского театра.

Ромашов родился в 1895 году в Ленинграде в актерской семье. Социалистическая революция помогла писателю осознать свою роль в великой борьбе народа за новую жизнь, за построение социализма.

Драматург, критик, режиссер — Борис Ромашов активно боролся за правое, народное искусство, неразрывно связанное с жизнью. В пьесах «Воздушный пирог», «Огненный мост», «Белая сила» и в других произведениях Борис Сергеевич Ромашов показал героический образ советского человека, страстно бичевал пережитки капитализма, пламенно утверждал принципы коммунистической морали. Б. С. Ромашов много работал в жанре комедии, смех он считал действенным оружием в борьбе за наше прекрасное будущее.

Борис Сергеевич Ромашов много сил отдавал воспитанию молодежи. Он был одним из любимых, чутких и требовательных педагогов Литературного института имени Горького. Ряд поколений советских драматургов пользовался его богатыми знаниями, опытом, талантом, которыми он щедро делился с другими.

В своих многочисленных статьях по вопросам театра и драматургии Борис Сергеевич Ромашов убежденно выступал против формализма, астетства, холодного ремесленничества, за подлинно народный, реалистический советский театр.

Борис Сергеевич Ромашов вел большую общественную работу, был членом правления Московского отделения Союза писателей, членом правления Литфонда СССР, членом редколлегии журналов «Театр», «Молодежная эстрада» и «Отзвук».

Правительство высоко оценило заслуги Бориса Сергеевича Ромашова в деле развития советской литературы. Он был награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды. «Знак Почета». За пьесу «Великая сила» Борис Сергеевич Ромашов был удостоен Сталинской премии.

Жизнь и творчество Бориса Сергеевича Ромашова — пример подлинного служения советского писателя своему народу. Память о нем мы навсегда сохраним в своих сердцах.

Правление Союза писателей СССР, Оргкомитет Союза писателей РСФСР, Московское отделение Союза писателей Литературный институт имени А. М. Горького.

Президиум Всероссийского театрального общества с глубоким прискорбием сообщает о смерти драматурга, лауреата Сталинской премии, заслуженного деятеля искусств РСФСР Бориса Сергеевича Ромашова.

Последовавшей после тяжелой болезни, и выражает соболезнование семье покойного.

От комиссии по организации похорон Б. С. РОМАШОВА

Похороны писателя-драматурга, профессора, заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата Сталинской премии Бориса Сергеевича Ромашова состоятся 9 мая на Новодевичьем кладбище. Доступ к телу для прощания с покойным будет открыт в Центральном Доме литераторов (ул. Воробьевского, д. 50) 9 мая с 11 часов утра до 2 часов дня. Гражданская панихида состоится там же 9 мая, в 2 часа дня.

Правление Союза писателей СССР, правление Союза писателей РСФСР и правление Союза писателей Кара-Калпакской АССР с глубоким прискорбием извещают о смерти каракалпакского писателя, заслуженного деятеля искусств Узбекской ССР БЕГИМОВА Асана Изминовича, последовавшей после тяжелой болезни, и выражают соболезнование семье покойного.

Иржи ГАЕК, чехословацкий критик

Год литературы

Один год может по-разному пройти для литературы. Порою он значит больше, чем целое десятилетие, а иногда оставляет в процессе литературного развития так же мало следов, как ничем не примечательный будничный день в человеческой жизни. Для чехословацкой литературы минувший год не был годом выдающихся событий, но и не был периодом застоя. Это был скорее год искания и подготовки к новым достижениям.

Художественный уровень творчества наших писателей в целом, несомненно, возвысился. Это очень важно, особенно для развития прозы, хотя произведения, которые существенно превосходят этот средний уровень, пока что еще немного.

Вкладом в литературную баланс прошлого года являются и несомненно талантливые прозаические книги начинающих авторов. Наиболее многообещающая из них, наряду с повестью Веры Стреловой «Моя судила ночь» и романом Ч. Вейделека «Рауда для молодого дня», — роман молодого острого писателя Ольдрижа Шулержа «Летопис на граните». Эта большая книга, охватывающая несколько десятилетий исторического развития, описывает подъем и падение могучих предпринимательских родов, а также жизнь и политическую борьбу нескольких поколений рабочих предпроя, до 1945 года заселенного немцами. И хотя автор в заключительной части романа не избегал иллюстрированности, он создал тем не менее ряд выуклых образов, которые существенно обогащают анализ буржуазного общества, данный современной литературой.

ЭТОТ перечень, конечно, не полон. Но хотелось бы обратить внимание лишь на одну черту: то лучшее, ищущее, что родилось в нашей литературе, направлено главным образом к более глубокому анализу отдельных жизненных явлений, занято скорее отдельными сторонами действительности. Это понятно. Однако будущие успехи нашей литературы во многом зависят от того, сумеют ли наши писатели не только анализировать явления, но и дать их синтез, связать глубокое исследование жизни с центральными общественными и этическими проблемами, поднятыми в борьбе за победу социализма.

Начало этой борьбы за новый духовный облик современного человека мы видим не только в поэтической книге Е. Петшики «Мгновенья», о которой мы уже